

ЮРИЙ ГОРДЕЕВ

МОСТ МЕЖДУ ЧУЖИМИ СНАМИ

0
KM

ТОЧКА ОТСЧЕТА,
ГДЕ НЕ ДЕЙСТВУЮТ
ЗАКОНЫ ФИЗИКИ

ТРАНЗИТ ↑

Юрий Гордеев

Мост между чужими снами

<https://litres.ru/74272462>

SelfPub; 2026

Аннотация

Нулевой километр точка отсчета, где не действуют законы физики. Здесь, в одинокой кабинке посреди тумана, Эмиль Вейн собирает пошлину с бесконечного потока машин. Ему запрещено задавать вопросы, покидать пост и превышать лимит на кислород. У него нет прошлого только рефлексy и въевшийся страх перед инспекторами Управления. Но идеальная изоляция дает трещину. В руки Эмиля попадает монета давно исчезнувшего государства. Рация транслирует предсмертную исповедь диспетчера. А в потоке транзита появляется женщина, которая помнит все предыдущие циклы этого ада. Осознав, что эстакада это не дорога, а гигантская система одиночных камер, Эмиль решает сломать систему. Вступив в игру, он должен разгадать геометрию этого чистилища до того, как его сознание отформатируют. Но цена правды может оказаться страшнее небытия.

Юрий Гордеев

Мост между чужими снами

Часть I. Антропотомия тумана

Глава 1. Иллюзия нулевого километра

Капля сорвалась с козырька будки и разбилась о стекло. За ней вторая, третья — интервал ровно четыре секунды. Эмиль давно перестал сверять по ним пульс. Собственных часов у него не было с того дня, как он заступил на смену: время здесь измерялось не стрелками, а гулом шин по мокрому бетону и сухими щелчками счетчика осей.

Мост дышал. Не в переносном смысле — висячие конструкции вибрировали под тяжестью невидимых грузов, и дрожь через опоры проходила прямо в подошвы форменных ботинок. В первые недели она сводила с ума, скручивала желудок. Теперь стала его собственным сердцебиением: если мост замирал хоть на минуту, Эмилю казалось, что он глохнет.

Он поставил локти на приборную панель и по привычке провел ладонью по её краю, проверяя, не отсырел ли металл. Три года назад — если считать годами то, что здесь считалось годами, — он завел ритуал утреннего осмотра: кнопки кассы, тумблер обогревателя, крепление рации, задвижка вентиляции. Пять точек, пять касаний. Пока пальцы двигались по этому маршруту, голова оставалась пустой, и это

было единственное время суток, когда она не болела.

За окном стояла белая мгла, съедавшая свет фар раньше, чем машины успевали притормозить у стоп-линии. Существовали ли за ней континенты, государства, берега? Он часто ловил себя на мысли, что за пределами двадцати метров видимости нет ничего вообще — только бетонная эстакада, подвешенная в нигде, и два направления движения. Туда и обратно.

Северный режим и Южный — так эти территории назывались в должностной инструкции на желтоватой, пахнущей формалином бумаге. Ни названий стран, ни имен лидеров. Просто компасные направления, лишенные географии.

Из тумана вынырнул тусклый глаз левой фары — правая не горела. Машина двигалась крадучись, будто нащупывая дорогу вслепую. Дворники со скрипом размазывали влагу по стеклу. Вдох-выдох. Резина по стеклу. Вдох-выдох.

Эмиль протянул руку в узкое окошко, и пальцы тут же обдало ледяным сквозняком. В ладонь упал кусок металла — тяжелый, с неразборчивым профилем какого-то давно стертого историей диктатора. На водителя он не смотрел: лица тех, кто пересекал нулевой километр в этот час, всегда сливались в одно тусклое пятно, лишенное возраста, пола и надежды.

Удар по клавише кассового аппарата, зеленая лампа моргнула, шлагбаум пополз вверх с натужным стоном гидроцилиндров. Машина растворилась во мгле, оставив запах

несгоревшего топлива и — почему-то — запах сырой шерсти.

Эмиль потер виски пальцами, пахнувшими окисленным железом. В методичке, найденной в столе на первую смену, утверждалось, что КПП стоит ровно на середине маршрута. Иллюзия нулевого километра. Как вычислить экватор того, что не имеет начала? Он напряг память, пытаясь вспомнить, как оказался в этой железной коробке два на два метра. Подписание контракта в комнате без окон. Человек в плохо сидящем костюме с неестественно ровными зубами. Царапанье перьевой ручки по плотной бумаге.

А что было до комнаты?

Сознание выдавало обрывки, не складывающиеся в картину: запах подгоревшего хлеба, чей-то смех, от которого перехватывало дыхание, острая боль за глазами каждый раз, когда он пытался пробить стену амнезии. Будто кто-то аккуратно вырезал кусок его личности, оставив только профессиональные рефлексy.

Он опустил взгляд на монету в лотке. Сплав был странным — темным, с зеленоватыми разводами, с вкраплениями чего-то острого. Не золото, не серебро. Смахнул её в приемник и прислушался: звон утонул в шуме следующего двигателя.

Они ехали без остановки, днем и ночью, хотя день здесь ничем не отличался от ночи — туман просто светлел до оттенка скисшего молока. Эмиль вносил номера в толстый журнал: буквы и цифры, не подчиняющиеся никакой систе-

ме. Иногда его накрывало острое дежавю — казалось, он уже фиксировал этот номер месяц назад. Или год? Сколько он уже сидит на этом стуле?

Счетчик осей показывал 14 567. Когда он принял пост, там был ноль. Или нет? Может, механизм просто прошел полный оборот и начал заново.

Он поднялся, обошел стул и присел на корточки у нижней панели кассового аппарата. Там, под откидной крышкой, находился металлический контейнер для монет — раз в час полагалось проверять, не заклинило ли створку сброса. Крышка поддавалась с обычным сухим щелчком. Внутри лежала горка тусклых слитков, слипшихся друг с другом, будто спекшихся от жара. Он раздвинул их пальцем, пересчитал по кругу — привычка, оставшаяся от первых недель, когда он ещё верил, что цифры в журнале должны совпадать с количеством монет в контейнере. Они никогда не совпадали. Иногда монет оказывалось больше, чем машин за смену, иногда меньше, хотя лоток он не открывал сам. Эмиль захлопнул крышку и вернулся на стул.

Пространство будки сжималось: железные стены, прикрученный к полу стул, обогреватель, выжигающий кислород без реального тепла. И рация — черная коробочка с антенной, единственная нить к миру, где люди, возможно, ещё разговаривают друг с другом.

Рука потянулась к тангенте и замерла в миллиметре от кнопки. Что он скажет диспетчеру? «Здесь ничего не про-

исходит»? Это было бы ложью. Происходило всё и одновременно ничего.

Очередной силуэт замер у желтой линии. Эмиль снова выставил руку наружу. На этот раз пальцы водителя задели его кожу — сухие, как пергамент. Взгляд сборщика скользнул по запястью, вверх по рукаву выцветшего пиджака, к лицу.

Глаза незнакомца зияли пустотой. В них не отражался свет дежурной лампы. В них вообще не было глубины.

— Сколько? — голос прозвучал так, будто связки разошлись от долгого молчания. Треск рвущейся бумаги, не речь.

— Один талер, — ответил Эмиль формулой, заученной наизусть. Никто уже не помнил, что это за валюта и почему она так называется.

Водитель молча опустил в его ладонь бесформенный оплавленный слиток. Эмиль нажал зеленую кнопку, шлагбаум освободил путь.

Зачем они едут туда? Он смотрел вслед исчезающим красным габаритам. Северный режим — территория абсолютной диктатуры, судя по обрывкам радиопередач, полным паники. Южный — зона тотального коллапса. Но транспорт шел в обе стороны с одинаковой обреченностью. Механическое переливание крови из одной мертвой системы в другую.

Не успел он отложить ручку, как под колесами следующей машины хрустнула жестяная банка, брошенная кем-то на полосу движения ещё до его смены. Звук был настолько обычным, настолько земным, что Эмиль на секунду вздрогнул —

как от чего-то неуместного здесь, где даже мусор должен был быть частью декорации. Он проводил взглядом задние фонари, растворившиеся в тумане, и заставил себя вернуться к делу: подровнял стопку бланков, поправил лоток так, чтобы монеты не перекатывались при следующем ударе шлагбаума о фиксатор.

Он сдвинул журнал, открыл верхний ящик стола. Под стопкой бланков лежала общая тетрадь в потрескавшейся дерматиновой обложке — наследие Феликса Оберже, человека, сидевшего на этом стуле до него. Эмиль ненавидел эту тетрадь и одновременно тянулся к ней. Каждый раз, вчитываясь в мелкий дерганый почерк Феликса, он ощущал, как в собственном сознании появляется новая трещина.

«Они не перемещаются в пространстве, — гласила первая строчка на пятой странице, изученной до последней запятой. — Они перемещаются во времени. Но время здесь закольцовано. Я фиксирую синий седан с вмятиной на левом крыле трижды за смену. За рулем один и тот же старик. Но каждый раз у него седеет ещё одна прядь на виске».

Эмиль задвинул ящик. Рано. Не сейчас. Нужно держаться за рутину — она каркас, не дающий рассудку сорваться в пропасть. Щеколды, кнопки, фиксация номеров, проверка слитков. Ритуалы отгоняют безумие.

Туман за стеклом начал менять текстуру: из влажной взвеси уплотнялся во что-то тяжелое, почти осязаемое, будто слепое существо ворочалось вокруг опор моста, прижимаясь

холодным брюхом к окнам будки.

Из рации ударил треск статики. Сквозь шипение эфира пробился женский голос — Сильвия Данциг, диспетчер, чье-го лица он никогда не видел.

— Третий пост, как видимость?

Он снял микрофон с рычага, кнопка передачи клацнула неестественно громко.

— Нулевая.

Пауза на частоте затянулась. Сквозь помехи было слышно её прерывистое дыхание и слабый отзвук какого-то далекого стука.

— Значит, скоро пойдут плотным потоком, — наконец сказала Сильвия. Голос звучал глухо, без обычной иронии. — Держись там. И умоляю — не смотри им в глаза.

Эфир умер, оставив ровное шипение. Эмиль вернул микрофон на базу.

«Не смотри им в глаза». Легко сказать из теплой диспетчерской, где бы она ни находилась. Как не смотреть, если всё замерзшее естество ищет хоть искру осмысленной жизни в этом конвейере теней?

Он поднялся, шагнул к стеклу, прижался к нему лбом. Поверхность была влажной от его собственного дыхания. Рукавом он прочертил мутный полукруг.

Там, в серой массе, снова зарождалось движение. Сгусток вылепился в громоздкий седан — двигатель клочкотал глухо, аритмично, словно захлебываясь сыростью. Машина полз-

ла к черте так медленно, что движение казалось иллюзией. Эмиль следил за стеклоочистителями: их ход дробил реальность на одинаковые отрезки.

Взмах — резина стирает пленку, секунда просвета. Взмах — стекло снова затягивает конденсатом.

Внутри кабинки время окончательно потеряло линейность. Оно не текло, а загустевало, наслаивалось на приборной панели, на корешке журнала, на воротнике куртки. Если закрыть глаза, он не смог бы сказать, сколько простоял здесь — минуту, час, несколько лет.

Капот замер у желтой линии. Окно водительской двери опустилось со скрежетом несмазанного механизма, впустив запах озона и перегоревшего масла.

Сборщик заставил себя протянуть руку к проему. Инструкция Сильвии пульсировала в подкорке. Не смотри.

Из темноты салона медленно выдвинулась чужая кисть — длинные, неестественно бледные пальцы с выступающими суставами, без единой дрожи, с абсолютной, пугающей статикой манекена.

Монета скользнула в ладонь — обжигающе ледяная, слишком тяжелая для своего размера, пористая, изъеденная коррозией. Эмиль сжал кулак, чувствуя, как острый край впивается в подушечку пальца.

Он шагнул к кассовому аппарату, палец завис над зеленой клавишей. Седан не трогался. Мотор булькал, дворники методично скребли по стеклу. Взмах, пауза, взмах. Эмиль спи-

ной почувствовал направленный на него взгляд — тяжелый, вытягивающий остатки воли. Эстакада, казалось, перестала вибрировать, затаив дыхание вместе с ним.

Искушение поднять глаза стало почти непреодолимым. Шея напряглась, зрачки дрогнули, готовые оторваться от пульта и метнуться к темному квадрату окна.

«Они не отражают свет», — всплыла кривая строчка из дневника предшественника.

Эмиль вдавил клавишу. Пневматика содрогнулась, поло-сатая стрела неохотно поползла вверх. Прошло ещё три бес-конечных секунды, прежде чем сцепление лязгнуло и маши-на покатилась вперед. Красные огни мигнули и растворились в пелене, будто их выключили рубильником.

Он остался один на один с гудящим пространством. Раз-жал кулак, бросил монету в лоток — звук удара показался плоским, фальшивым. Взял ручку, придвинул журнал. В гра-фе «Номерной знак» зияла пустота — у седана не было таб-личек, ни спереди, ни сзади.

Рука сама вывела в пустой клетке серию цифр: 1-9-8-4. Эмиль моргнул, глядя на синие чернила. Не номер. Комби-нация вынырнула из части мозга, заблокированной с перво-го дня контракта. Год? Код от двери? Часть телефонного но-мера? Четыре символа смотрели на него со страницы, как чужаки, проникшие в охраняемый периметр разума.

Он поспешно зачеркнул их жирной линией, прорвавшей бумагу. Чернила расплылись пятном, похожим на гематому.

Снаружи снова заморосило. Капли разбивались о стекло, смывая протертый полукруг. Эмиль поднялся, открыл вентиляционную задвижку на полщелчка — впустить немного холода, чтобы не заснуть, — и снова закрыл её, когда сквозняк начал резать глаза. Сел на стул, застегнул воротник под самое горло и уставился на стоп-линию.

Он машинально потянулся к правому карману куртки, где, как обычно, лежал огрызок карандаша — единственный предмет, перешедший к нему вместе с должностью, не считая тетради Оберже. Покрутил его между пальцами, не находя применения, и вернул на место. Там, за пределом видимости, гул эстакады рождал новую вибрацию. Конвейер не знал пауз. Нулевая точка становилась единственным законом этого места — местом, где даже собственные мысли, кажется, больше не принадлежали тому, кто их мыслит.

Глава 2. Жестяные монеты для Харона

Гул эстакады сменил тональность, перейдя в низкое, утробное ворчание. В паузах между машинами наступала не тишина, а особое акустическое давление, от которого хотелось кричать — лишь бы разрушить его. Эмиль отвел взгляд от мутного окна. Передышка в потоке давала мозгу время подкинуть самые тревожные образы, и он знал это по опыту, поэтому решил занять руки прежде, чем воображение возьмет верх.

Он поднялся, обошел стол и для порядка сверил показания счетчика осей с записью в журнале — цифры, как обыч-

но, не совпадали ровно на две единицы, и он, как обычно, не стал вычеркивать разницу. Вернулся на место, потянулся к ящику стола. Роликовый механизм скрипнул. Под стопкой чистых деклараций лежала она — тетрадь Феликса Оберже, дерматиновая обложка потрескалась по краям, обнажая серый картон. Эмиль долго смотрел на неё, прежде чем коснуться, будто давал себе последний шанс передумать.

От страниц пахло дешевым табаком, сыростью и застоявшимся страхом — совсем не той стерильной затхлостью, что стояла в самой будке. Первая страница была исписана убогим почерком, буквы наползали на поля, будто автору не хватало места для мыслей. Нажим ручки был такой силы, что бумага пошла волнами.

«Они платят не за проезд, — гласила первая строчка синими, местами выцветшими чернилами. — Пошлина — фикция, ритуал для тех, кто сидит по эту сторону шлагбаума. Я изучил сплавы. Взвешивал каждый кусок на самодельных весах».

Эмиль перевел взгляд на лоток кассового аппарата, где лежали четыре бесформенных куска металла, оставленных последними водителями. Взял один — холодный, тяжелый, с обкусанными краями, зеленоватыми разводами.

«Никакой экономики больше нет, — продолжал текст Феликса. — Север и Юг — две мертвые зоны, отправляющие друг другу пустые оболочки. А монеты... я уверен, это не деньги. Это якоря. Утяжелители для душ, чтобы те не рас-

творились в мгле над парапетом».

Горло пересохло. Эмиль перевернул страницу — она была исчерчена геометрическими фигурами, треугольниками, формулами, смысл которых ускользал. В углу мелким шрифтом: «Масса неизменна. Они оставляют часть своей тяжести здесь. Мы — фильтры. Забираем их груз, чтобы они могли двигаться дальше».

Лампа под потолком мигнула, на секунду в будке стало абсолютно темно. В этой тьме он отчетливо услышал, как снаружи, у основания опоры, что-то тяжело вздохнуло — слишком органичный звук для бетона и стали. Свет вернулся, желтый, болезненный. Эмиль затаил дыхание, вслушиваясь. Только гудение проводов и плеск невидимой реки внизу. Ни света фар, ни движения у стоп-линии.

Он снова уткнулся в тетрадь.

«На пятнадцатый день я перестал отправлять отчеты. Диспетчер молчит. Сильвия делает вид, что все в порядке, но я слышу по интонациям — она тоже напугана. Вчера попытался распилить одну из монет ножовкой по металлу. Полотно сломалось после первого движения. Внутри нет кристаллической решетки. Это спрессованная боль».

Эмиль захлопнул тетрадь. Слова предшественника слишком точно ложились на его собственные, ещё не осознанные страхи. Он посмотрел на руки: пальцы, постоянно контактирующие с платой водителей, приобрели сероватый оттенок, не смывавшийся ни мылом, ни щеткой.

Что случилось с Феликсом? Инструкция обязывала сдать пост сменщику, передать ключи и журнал. Но когда Эмиль прибыл, будка была пуста, дверь закрыта изнутри, ключ торчал в замке. Никаких следов борьбы. Только эта тетрадь под кипой бланков — бомба замедленного действия для следующего надзирателя.

Воздух стал невыносимо спертым. Обогреватель исправно сжигал остатки кислорода. Эмиль потянулся к вентиляционной задвижке — металл поддался с трудом, впустив струю ледяного холода, пахнущего озоном.

Он глубоко вдохнул. Нужно сосредоточиться на фактах. Факт первый: он работает здесь, у него есть контракт. Факт второй: машины продолжают ехать. Факт третий: монеты.

Он снова взял слиток, оставленный человеком без глаз. Если Феликс прав и это не платежное средство — что он собирает в инкассаторский мешок каждую неделю? Кто тот невидимый курьер, забирающий груз из сейфа под полом, пока сборщик спит в откидном кресле? Он провел ногтем по зеленоватому налету — под коррозией блеснуло что-то темное. Неужели Оберже пытался вскрыть монеты именно поэтому — искал доказательства своей теории?

Снаружи раздался новый звук. Не гул мотора, не шелест шин — ритмичный, шаркающий звук шагов. Кто-то шел пешком по эстакаде со стороны Южного направления. Пешком. Это строжайше запрещалось всеми параграфами инструкции. На мосту не должно быть пешеходов.

Эмиль подался вперед, прижался лбом к стеклу. В пелене проступал силуэт — высокий, сутулый, двигавшийся ломаной походкой, будто преодолевая невидимое сопротивление. В одной руке он сжимал длинный предмет, похожий на трость.

Силуэт приближался с мучительной медлительностью. Каждый шаг сопровождался глухим ударом трости о бетон, звук разносился эхом, отражаясь от невидимых опор, создавая иллюзию, будто к будке стягивается толпа. Но датчики веса на полотне молчали. Панель не фиксировала нагрузки. Человек из тумана не имел массы.

Эмиль задвинул тетрадь в ящик и щелкнул замком, ключ машинально опустил в нагрудный карман. Сердце билось ровно, без паники — дереализация притупляла страх. Происходящее казалось вязким кошмаром, который нужно просто переждать до звонка будильника. Вот только будильников здесь не было.

Мужчина остановился в трех метрах от стоп-линии. Взвесь расступилась, позволяя разглядеть детали: безупречно скроенный темный плащ, идеальная линия плеч, воротник, поднятый от сырости. Лицо скрывалось под полями шляпы, с которых равномерно капала влага. В правой руке — трость с массивным набалдашником из темного дерева.

Никаких машин позади него не было. Эмиль бросил взгляд на монитор камер — экраны транслировали однородный серый шум с редкими полосами помех.

Незнакомец не спешил подходить к окошку. Стоял неподвижно, изучая шлагбаум, будто видел такое устройство впервые. Потом медленно поднял голову — из-под шляпы блеснули стекла круглых очков в тонкой оправе. Глаз за ними видно не было, только тусклый отсвет дежурной лампы.

Сборщик нащупал под столешницей тревожную кнопку. Холодный пластик привычно лег под палец, но нажимать он не спешил. Кому подавать сигнал? Сильвии, боящейся собственной тени? Или мифической службе безопасности, чьи патрули он ни разу не видел за все дежурство?

Человек в плаще сделал ещё шаг, оказался у самого окна. От него не пахло бензином или сыростью — только сухим ароматом старой бумаги и графита. Он не потянулся к лотку. Поднял руку в черной перчатке и дважды, деликатно, постукивал костяшками по бронированному стеклу.

Тук. Тук.

Звук прозвучал в замкнутом пространстве громче выстрела. Эмиль почувствовал холодок вдоль спины. Нажал педаль переговорного устройства — динамик снаружи ожил с тихим шипением.

— Пешеходное движение по эстакаде запрещено, — голос прозвучал хрипло, чуждо. Пришлось откашляться. — Вернитесь в транспортное средство или покиньте зону контроля.

Мужчина чуть склонил голову набок, будто прислушивался к тембру голоса, а не к смыслу слов. Тонкие бледные губы дрогнули в едва заметной полуулыбке.

— Транспортные средства — это условность, господин Вейн, — произнес он мягким, вкрадчивым баритоном без всяких эмоций. — Как и запреты. Как и сама эта линия, которую вы так старательно охраняете.

Эмиль замер. Откуда этот человек знает его фамилию? В контракте был пункт о неразглашении личных данных, а на форме — только порядковый номер смены.

— Ваша пошлина, — сухо повторил он, удерживая профессиональный тон. — Без транспорта вы не можете пересечь границу сектора.

— Границу? — мужчина тихо рассмеялся, шелестом сухих листьев. — Вы все еще верите в географию? Трогательно. Феликс тоже долго цеплялся за карты. До самого конца пытался высчитать координаты по звездам, которых здесь не видно.

Пальцы Эмиля судорожно сжались на краю стола. Упоминание Оберже ударило под дых, разрушая фасад отстраненности. Этот человек знал предшественника.

— Кто вы такой? — вопрос вырвался прежде, чем он успел прикусить язык. Прямой вопрос клиенту — нарушение протокола, но остановиться было уже нельзя.

Незнакомец неторопливо стянул перчатку с правой руки. Тонкие пальцы, идеально чистая кожа. Он сунул руку во внутренний карман и извлек небольшой предмет — не кусок коррозионного металла, а идеально круглую монету, сверкающую так ярко, будто её только что отчеканили.

Положил её в лоток.

— Я тот, кто проводит инвентаризацию, Эмиль. Оберже оставил здесь слишком много мусора. Нам нужно очистить помещение.

Эмиль смотрел на блестящий диск. На аверсе — не профиль диктатора, не герб исчезнувшей империи, а циферблат без стрелок: гладкий круг с двенадцатью засечками. Подкатила тошнота. Вибрация моста сменила ритм, превратившись в сбивчивую пульсацию, резонирующую с его собственным паническим сердцебиением.

Человек в плаще не стал дожидаться, пока поднимется шлагбаум. Он не требовал проезда. Чуть заметно кивнул — то ли своим мыслям, то ли невидимому собеседнику за спиной Эмиля — и сделал плавный шаг назад, из тусклого квадрата света.

Туман поглотил его фигуру быстро. Сначала растворились полы плаща, затем линия плеч, последним исчез блеск очков. Ни звука шагов, ни стука трости — белая масса просто сомкнулась там, где он стоял. Хаотичная пульсация бетонных перекрытий оборвалась. Мост снова задышал в привычном ритме.

Эмиль остался один. Тошнота отступила, оставив липкую испарину на позвоночнике. Он перевел взгляд на лоток.

Диск лежал на сером пластике, отражая свет лампы. Эмиль заставил себя коснуться металла — поверхность оказалась абсолютно нейтральной, без температуры, будто ис-

ключенной из законов термодинамики. Идеально гладкие края без единой зазубрины. Оберже собирал коррозионный лом, утяжелители для теней. Эта вещь принадлежала другому порядку. Плата за инвентаризацию. Аванс за предстоящую зачистку.

Он огляделся, будто ожидая найти хоть какое-то физическое доказательство того, что визитер вообще существовал. На бетоне снаружи не осталось следов — ни отпечатков подошв, ни вмятины от трости. Эмиль на секунду прижал ладонь к стеклу там, где недавно маячил силуэт, — стекло было ледяным, как и всегда, ничем не отличалось от соседних участков.

Пальцы метнулись к рации. Нажатие на тангенту вышло судорожным. Треск статики ударил по перепонкам.

— Диспетчерская, — голос надломился, пришлось сглотнуть и повторить громче: — Сильвия. Ты на связи?

Долгое шипение мертвого эфира. Потом сухой щелчок тумблера.

— Я всегда на связи, Третий, — её тон звучал глухо, лишенный оттенков, но пропитанный такой усталостью, что Эмилю на секунду стало трудно дышать. — У тебя паническая атака?

— Я не уверен, что здесь еще есть чему паниковать.

— Верное наблюдение. Страх требует надежды на спасение. Когда спастись не от чего и некуда, остается физиология. Учащенный пульс, спазм сосудов. Это пройдет.

Эмиль прижался лбом к стеклу, глядя в мглу над парапетом.

— Ты когда-нибудь спишь? — спросил он, сам не понимая, зачем повел разговор в эту сторону. Возможно, гладкая поверхность монеты без стрелок запустила этот вопрос — ему нужно было зацепиться хоть за какую-то человеческую слабость.

Сильвия издала звук, отдаленно похожий на смешок — трение сухих связок, без ничего живого внутри.

— Сон? Привилегия тех, кто подчиняется суточным ритмам. У кого есть завтра. Ты закрываешь глаза в одной версии реальности, открываешь в другой, обновленной. Сознание архивирует дневной опыт. А что архивировать нам?

— Но бессонница сводит с ума. Делает мысли вязкими.

— Ты используешь медицинский термин для экзистенциальной ловушки, — в голосе прорезалась холодная дидактика, будто лекция пустой аудитории. — Мы не страдаем от нарушения сна. Мы лишены самого механизма отключения.

Легкое потрескивание в эфире.

— Поначалу я пыталась обмануть тело, — продолжила Сильвия тише, почти интимно. — Ложилась на кушетку в аппаратной, натягивала колючий плед на голову, зажмуривалась так, что болели глазные яблоки. Час, два, сутки — темнота под веками оставалась пустой. Сновидения строятся из визуального мусора, впечатлений, желаний. А мой визуальный ряд — панель с диодами и серый бетон на мониторах.

Что мне может присниться? Бесконечная лента номеров, которые ты диктуешь?

Эмиль слушал не перебивая. Её монолог совпадал с оценением, парализовавшим его собственную волю в последние недели.

— Наша бессонница — форма консервации, Третий. Ты не чувствуешь мышечной усталости, суставы не ноют, пищеварение остановилось, вода почти не нужна. Мы не разрушаемся физически, потому что выведены из биологического оборота. Сон — маленькая смерть, пауза для восстановления. А нам не позволено умирать даже на пару часов. Мы застряли в вечном бодрствовании, чтобы фиксировать чужой транзит.

— Те, кто за рулем, — медленно сказал Эмиль, вспоминая человека с пергаментной кожей. — Они выглядят так, будто спят с открытыми глазами.

— Они отсутствуют. Принципиально иное состояние. У них нет сознания, которое нуждалось бы в отдыхе — пустые сосуды, перемещаемые из точки А в точку Б по инерции. А у нас сознание осталось. В этом главная пытка. Твой предшественник понял это слишком поздно.

Эмиль скосил глаза на закрытый ящик.

— Что понял Феликс?

— Он тоже сначала жаловался на бессонницу. Потом начал маниакально исписывать бумагу — пытался структурировать абсурд, верил: если перенесет мысли на страницы, го-

лова опустеет и он сможет закрыть глаза. Но бумага не впитывает безумие, Эмиль. Она его концентрирует.

— Куда он исчез? Контракт не предусматривает увольнения.

— С этого моста никто не уходит на своих ногах. Поток однонаправлен, даже двигаясь в обе стороны. Он просто перестал выходить на связь. Растворился в интервалах между ударами дворников по стеклу.

Щелчок оборвал фразу. Частота заполнилась белым шумом. Они никогда не прощались — в пространстве без времени прощание теряет смысл.

Эмиль вернул тангенту на крепление. Разговор не принес облегчения, лишь укрепил ощущение надвигающегося коллапса. Человек с тростью не был пассажиром. Монета с пустым циферблатом — не плата за проезд. Таймер, отсчитывающий время до того момента, когда его собственное сознание, изъеденное бессонницей, откажется воспринимать этот туман как реальность.

Он придвинул журнал. Взял ручку и, с сильным нажимом, прорывающим бумагу, вывел поперек столбцов одно слово.

Бессонница.

Синие чернила мазнули по листу. Он смотрел, пока буквы не начали расплываться, сливаясь в темную полосу, подчеркивающую страницу так же, как этот мост перечеркивал бездонную пропасть под ногами.

Глава 3. Ржавчина на циферблате

Слово занимало три колонки. Темно-синяя линия пересекала графы «Тип транспортного средства», «Идентификатор» и «Груз». Эмиль смотрел, как чернила впитываются, превращаясь в клеймо на официальном документе. Первое нерегламентированное действие за все дежурство. Крошечный акт саботажа против системы, которая даже не заметит испорченного бланка.

Он отодвинул тетрадь, перевел взгляд на лоток кассы. Идеальный диск лежал там, где его оставил человек в плаще. Гладкая поверхность манила прикосновением, но Эмиль отдернул руку и вместо этого взял дежурный пинцет для застрявших чеков — подхватил монету за края. Она поддалась с неожиданным сопротивлением, будто обладала собственным полем притяжения к пластику. Он опустил её в холщовый мешочек, стараясь не слушать глухой стук о дно.

Циферблат без стрелок. Напоминание о том, что хронология здесь отменена.

Желание занять руки стало невыносимым. Тишина после отключения рации давила плотным прессом. Требовалась механическая работа — пересчет, сортировка, анализ. Он опустил на колени перед нижним отсеком шкафа, где под ворохом списанных инструкций хранились старые журналы учета — те, что велись до Феликса, и те, что вели предшественники предшественников. Бумага в них пожелтела, стала ломкой, как высохшая кожа.

Он вытащил наугад один из фолиантов, открыл первую

страницу. Почерки менялись: от размашистого и уверенного до мелкого, дрожащего. Люди, заполнявшие эти графы, проходили тот же путь распада личности. Сначала четкие линии. Затем ошибки, помарки, странные символы на полях. Потом обрыв записей.

Он листал страницы, выхватывая закономерности взглядом, который жаждал хоть какой-то логики. Синий грузовик с поврежденным тентом — проехал на Север в смену некоего М.Б. Он же, спустя сто двадцать страниц, возвращается на Юг. И снова на Север.

Но внимание привлекло другое. Имя.

Водители редко называли себя, а правила не обязывали требовать документы. Однако на странице сорок восемь, выцветшими коричневыми чернилами, было четко выведено: «Каспар Рут. Утверждает, что везет стекло».

Эмиль перевернул ещё десяток листов. Тот же почерк: «Каспар Рут. Взнос уплачен нестандартным слитком». Дальше манера письма менялась — другой смотритель, другая эпоха. Но на сто пятнадцатой странице снова возникла эта фамилия. «Рут К. Просит воды».

Он начал лихорадочно перебирать архивные книги, доставая одну за другой, раскладывая на полу тесной кабинки. Везде находился этот человек. Интервалы между появлениями составляли сотни страниц, иногда целые тома. Судя по серийным номерам, между первой записью и последней лежали десятилетия. Сорок лет, может быть, пятьдесят, непре-

рывного курсирования между двумя мертвыми берегами.

Никто не может водить машину полвека без остановки. Биология берет свое — глаза слепнут, суставы теряют подвижность. Если только этот Каспар не нашел способ обмануть физиологию так же, как её обманывал сам мост.

Индикатор на панели мигнул желтым. Датчики веса на подъезде зафиксировали давление.

Эмиль поднялся с колен, хрящи хрустнули в тишине. Он посмотрел в окно — густая масса приобрела грязноватый оттенок, в ней зарождалось слабое свечение: единственная фара пробивалась сквозь завесу. Звук двигателя отличался от прежних — не глухое бульканье, а тяжелый металлический лязг, будто внутри цилиндров перекатывались осколки. Машина двигалась рывками, тяжело оседая на рессорах.

Из мглы вынырнул массивный капот старого пикапа, кузов скрыт брезентом, давно выцветшим от влаги. Автомобиль остановился не у желтой линии, а на полметра дальше, почти упираясь бампером в опущенный шлагбаум.

Эмиль подошел к окну. По правилам следовало сделать замечание о нарушении дистанции, но слова застряли в горле — стекло водительской двери уже было опущено.

За рулем сидел человек. Если его можно было так назвать. Лицо напоминало смятый и небрежно расправленный лист упаковочной бумаги — глубокие складки пересекали лоб, щеки, подбородок. Не старость в привычном смысле: кожа выглядела не увядшей, а именно измятой, лишенной

внутреннего каркаса. Седые волосы жесткими пучками торчали из-под засаленной кепки.

Мужчина смотрел прямо перед собой, на полосатую стрелу. Руки в протертых перчатках намертво вцепились в руль.

— Пошлина, — произнес Эмиль, удивляясь ровности собственного голоса.

Водитель медленно повернул голову — с тихим хрустом шейных позвонков. Выцветшие водянистые глаза встретились со взглядом сборщика. В них не было той пугающей пустоты, что он видел у предыдущего путешественника. Наоборот, слишком много всего сразу: бесконечная усталость, застывшая боль, покорная обреченность.

— Я уже платил, — голос прозвучал скрипуче, как несмазанная петля. Каждое слово давалось с видимым усилием, словно он заново вспоминал механику речи. — На прошлом посту.

Эмиль нахмурился.

— Здесь нет прошлого поста. Вы на нулевом километре. Единственная точка контроля.

Человек издал звук, похожий на сдавленный кашель.

— Вы все так говорите. Каждый из вас. Тот, с черной бородой. И тот, кто все время рисовал геометрические фигуры. И ты. Твердите одно и то же.

Рисовал фигуры. Феликс.

Мышцы спины непроизвольно напряглись.

— Вы знали моего предшественника?

— Я знаю вас всех, — водитель отпустил руль одной рукой, полез во внутренний карман куртки. — Вы меняетесь. А мост остается. И я остаюсь.

Он вытащил на свет зажатый в кулаке предмет. Не обычный бесформенный кусок металла. Каспар Рут — Эмиль был уверен, что перед ним именно этот человек из архивных записей, — положил на лоток нечто иное: старый, сломанный компас. Стекло треснуло по диагонали, магнитная стрелка внутри погнута и намертво прикипела к шкале, указывая куда-то вбок. Металлический корпус обильно покрывала зеленоватая окись.

— Это не средство оплаты, — Эмиль машинально отодвинул лоток. Тревога смешалась с болезненным любопытством.

— Это всё, что у меня осталось, — Каспар откинулся на спинку сиденья. — Металл кончился три круга назад. Я отдаю вам направления. Раз за разом. Пока не останется ничего, кроме движения по прямой.

Эмиль смотрел на сломанный прибор, на стрелку, застывшую навсегда. Направление, потерявшее смысл. Он вспомнил идеальную монету с пустым циферблатом в холщовом мешочке. Предметы здесь теряли первоначальную функцию, превращаясь в чистые символы.

— Как ваше имя? — спросил он, нарушая ещё одно правило из длинного списка запретов. Ему нужно было услышать подтверждение собственной догадки — убедиться, что

архивные записи не были плодом коллективной галлюцинации зрителей.

Человек за рулем долго молчал. Дворники на его лобовом стекле не работали, влага уже собиралась в крупные капли, искажая очертания салона.

— Зачем тебе имя, мальчик? — наконец сказал он. — Имена нужны, чтобы кто-то мог позвать тебя домой. А мой дом остался на той стороне, которой больше не существует.

— И тем не менее, вы продолжаете ехать. Туда и обратно. Сорок лет.

Каспар вздрогнул, морщины на лице пришли в движение.

— Сорок? — он скривил губы. — Вы, сборщики, так забавно измеряете циклы. Думаете, ваши журналы способны удержать реальность в рамках математики.

Водитель перевел взгляд на шлагбаум.

— Поднимай.

— Пошлина не уплачена, — упрямо повторил Эмиль, хотя пальцы уже лежали на зеленой кнопке. Ему хотелось продлить разговор, вытянуть из старика хоть каплю информации о том, что происходит за пределами двадцатиметровой зоны видимости.

— Я оставил тебе компас. Возьми его. Пригодится, когда бетон под твоими ногами начнет крошиться. А он начнет.

Каспар подался вперед, оперся локтями о край окна. Близкое присутствие принесло в кабинку резкий запах паленой резины и заношенной одежды.

— Ты думаешь, ты здесь контролируешь процесс? — прошептал старик, в его глазах мелькнула искра злого, почти лихорадочного веселья. — Ты — деталь механизма, которая ещё не осознала свою функцию. Мы не платим вам за проезд. Мы приносим часть своего груза, чтобы вы могли существовать. Без нас этот пункт исчезнет быстрее, чем ты успеешь моргнуть.

Эмиль вдавил зеленую кнопку. Пневматика зашипела, преграда неохотно поползла вверх. Он смотрел прямо в водянистые глаза Каспара, пытаясь найти ответ, но видел только собственное искаженное отражение в кривизне лобового стекла — лицо человека, потерявшего ориентиры. Пикап с лязгом переключил передачу, старые покрышки с трудом оторвались от мокрого бетона, оставляя темные, быстро испаряющиеся следы. Каспар не стал прощаться — просто вдавил педаль, и машина медленно вползла в белесую пелену, которая мгновенно сомкнулась за задним бортом.

Эмиль остался стоять у открытого окна с зажатым в ладони мертвым навигационным прибором. Подушечка пальца скользнула по треснувшему стеклу — стрелка под ним мелко подрагивала, но не от магнитного поля Земли, а от остаточной вибрации эстакады. Указывала строго вбок, в глухую металлическую стенку кабины, будто именно там находился истинный север этого искаженного мира.

Холод от промерзшего корпуса передавался в кисть, но сборщик не спешил отпускать вещь. В ней крылась какая-то

извращенная честность — предмет, который сломался и больше не притворяется нужным.

Он опустился на колени прямо в центр бумажного хаоса на полу. Желтые пересушенные фолианты окружали его, напоминая разрытые могилы. Если старик из пикапа не был плодом воспаленного воображения, если он действительно пересекал этот пункт десятилетиями, ответы должны скрываться здесь — в столбцах и строках, в чернильных отпечатках чужих дежурств.

Он придвинул тот самый том в потертом коленкоре, где впервые наткнулся на фамилию водителя. Сорок восьмая страница. Взгляд скользнул дальше влево, мимо граф «Груз» и «Тип оплаты» — к узкой колонке «Хронология транзита». Цифры были выведены аккуратным, почти каллиграфическим почерком, тонкое перо, черная тушь.

«14.11. Седьмой цикл».

Никакого года от Рождества Христова, от основания Империи или Республики. Только число, месяц и порядковый номер какого-то непонятного витка.

Он отложил книгу, потянулся за другой, лежавшей ближе к обогревателю. Этот журнал отличался физически: бумага стала ломкой, как сухие листья, края обложки рассыпались в труху от малейшего прикосновения. Эмиль осторожно перевернул несколько десятков листов.

Строка двести тринадцать. Снова Каспар Рут. Снова пикап с тентом. Взгляд метнулся в левый край таблицы.

«02.04. Третий цикл».

Мысли запнулись. Физическое состояние документов грубо противоречило написанному. Том с отметкой «Седьмой цикл» выглядел относительно свежим, листы сохранили гибкость. Журнал с записью «Третий цикл» разваливался, будто пролежал в ящике целое столетие. Но по любой линейной логике третья фаза должна была предшествовать седьмой — эта книга обязана быть старше.

Дыхание участилось, вырываясь белыми облачками пара в остывающем воздухе. Пальцы лихорадочно перебирали остальные папки, вскрывая их одну за другой, оставляя влажные отпечатки на страницах, пока не находили нужное имя.

Вот ещё одна отметка, в совершенно ином узком бланке с перфорацией.

«14.11. Седьмой цикл».

Эмиль замер. Пододвинул первую книгу, сверил данные. Совпадали до минуты. 03:14 ночи. Каспар Рут. Оплата: слиток нестандартной формы. Примечание: жалуется на холод.

Но это были разные журналы. Разные форматы бумаги. Разные люди заполняли графы — в первой книге почерк принадлежал хладнокровному педанту, во второй — тому, кто давил на ручку с такой яростью, что на обратной стороне листа проступал рельеф. Одно и то же событие задокументировано дважды. Разными зрителями. В разных учетных книгах, разнесенных во времени неизвестно на сколько.

Пол под коленями качнулся, вибрация моста проникла в самую сердцевину костей. Эмиль схватил следующий фолиант. И ещё один, выдирая их из общей стопки.

Даты не выстраивались в прямую линию, уходящую в прошлое. Они образовывали замкнутый, хаотичный узор. «18.09. Нулевой фазовый сдвиг», затем «05.12. Одиннадцатый цикл», затем снова «14.11. Седьмой цикл». События не просто повторялись — они дублировались, наслаивались друг на друга, прокручивались заново, как заевшая пленка в старом проекторе.

Каспар Рут подъезжал к этому шлагбауму, отдавал плату, произносил одни и те же фразы, и каждый раз его встречало новое лицо в окошке.

«Вы все так говорите. И ты, и тот, кто рисовал фигуры». Скрипучий голос старика зазвучал в ушах с новой силой, обретая пугающий смысл.

Оберже не был его прямым предшественником. Феликс мог сидеть здесь тысячу смен назад. А мог прийти сюда завтра. Хронология разбилась вдребезги. Может быть, сам Эмиль дежурил в этой кабинке задолго до человека, чью тетрадь сейчас прятал в ящике. Что, если его сознание периодически стирают, обнуляют счетчик осей на панели, выдают свежую куртку с чужого плеча и заставляют начинать инвентаризацию с чистого листа?

Он посмотрел на свои ладони — кожа казалась полупрозрачной в резком свете, сеть вен пульсировала под ней ров-

но, ритмично. Если время здесь движется по спирали, сколько ему лет на самом деле? Тридцать? Шестьдесят? Или биологические часы остановились в ту секунду, когда он впервые шагнул на этот бетон?

Поток парализующего осознания смыл последние защитные барьеры. Иллюзия контроля, за которую он цеплялся все эти месяцы, рухнула. Журналы, строгие графы, приказы не покидать рабочее место — всё это никогда не было инструментами реального учета. Изохронная форма терапии. Ритуал, придуманный неизвестным механизмом управления, чтобы мозг зрителя не расплавился от столкновения с бесконечностью. Системе нужны были их руки, чтобы нажимать на кнопку, и глаза, чтобы фиксировать проезд. Их раскладку систему не интересовал.

В графе «Дата» своего текущего бланка Эмиль всегда ставил длинный прочерк. В первую ночь диспетчер произнесла в эфире фразу, которую он считал мрачной шуткой: «Календари отменены за ненужность, Третий». Теперь он понимал, что в её голосе тогда не было ни капли иронии.

Сильвия. Голос без тела, застрявший в радиоволнах. Она тоже была частью этой петли. Шестеренкой, которая скрипит, но продолжает вращаться, передавая сигнал в никуда.

Эмиль медленно поднялся, суставы отозвались глухой болью — единственным доказательством того, что тело всё ещё принадлежит материальному миру. Он оставил старые книги лежать на полу распахнутыми, их сухие страницы топорщи-

лись в разные стороны, напоминая перебитые крылья ночных бабочек. Прежде чем встать окончательно, он всё же собрал листы в подобие стопки — не из порядка, а потому что руки требовали хоть какого-то завершённого действия.

Подойдя к столу, он положил сломанный компас на металлическую поверхность, бережно, почти с религиозным трепетом, рядом с холщовым мешочком, внутри которого покоилась идеальная монета. Диск без времени и прибор без направления. Два артефакта, определяющие его новую реальность.

За стеклом туман снова начал менять плотность, закручиваясь в медленные тяжелые воронки. Из этой пустоты должен был появиться следующий гость — очередной фантом с остывшим сердцем и грузом чужой памяти, готовый отдать часть своей боли человеку, запертому в железной коробке на середине нигде. Эмиль застегнул верхнюю пуговицу воротника и застыл у окна, ожидая света фар.

Глава 4. Синкопа в исполнении дождя

Влага в воздухе изменила плотность. Белесая пелена, закручивающаяся воронками за стеклом, утяжелилась, осела и прорвалась. Начался дождь — не привычный ливень, к которому готовятся, заслышав раскаты грома, а вода, падающая рваными, аритмичными порциями. Капли били по крыше с пугающей непредсказуемостью: двойной удар, долгая пауза, частая дробь, обрывающаяся на полутоне. Синкопа, ломающая устоявшийся гул опор.

Эмиль прислушался к этому ломаному ритму. Он стоял у окна, всё ещё ощущая фантомный холод от компаса. Бумажный хаос старых книг на полу за спиной казался теперь не архивом, а местом преступления, которое он не успел скрыть. Он наклонился, сгреб верхний слой листов и затолкал их под нижнюю полку стеллажа — грубо, наспех, оставив пару страниц торчать наружу.

Из серой завесы вынырнул идеальный черный полукруг. Он плыл над влажным покрытием эстакады совершенно бесшумно, не покачиваясь, не реагируя на порывы сквозняка. Под куполом раскрытого зонта обрисовалась узкая мужская фигура.

Господин Итикава.

Его появление всегда противоречило физике. Он никогда не приезжал на транспорте, не появлялся ни с Севера, ни с Юга — просто материализовывался в зоне видимости, будто туман сам ткал его безупречный костюм-тройку из собственных испарений.

Эмиль попятился от стекла, носком ботинка зацепил распахнутый фолиант с записями о третьем цикле, поспешно сдвинул ногой оставшуюся стопку журналов под полку, подальше от линии обзора. Рука метнулась к столешнице, ухватила чистый бланк декларации и накрыла им монету вместе с компасом. Ритуал сокрытия улик.

Черный зонт остановился у стоп-линии. Ни капли не отскакивало от натянутой ткани — вода просто исчезала при

соприкосновении с материалом. Человек под куполом медленно поднял голову. Лицо инспектора напоминало фарфоровую маску тончайшей работы: ни одной морщины, ни следа усталости, ровный тон кожи, не тронутый сыростью этого места. Тонкие губы сложились в дежурную полуулыбку, никогда не затрагивающую темных, неподвижных глаз.

Итикава сложил зонт одним плавным движением. Дождь продолжал бить по козырьку будки, но на плечи инспектора не упало ни капли — он шагнул под навес ровно в ту долю секунды, когда рваный ритм ливня взял паузу.

В окно никто не стучал. Инспектор просто стоял и смотрел сквозь стекло, ожидая.

Эмиль нажал на рычаг блокировки. Раздвижная рама с сухим скрипом ушла в паз. В кабинку не ворвался холод — от инспектора пахло свежееотпечатанной типографской краской, накрахмаленными воротничками и чем-то неуловимо медицинским, стерильностью, которая убивает любые микроорганизмы.

— Доброй ночи, господин Вейн, — голос Итикавы был лишен обертонов, гладкий, идеально откалиброванный, чтобы не вызывать никаких эмоций.

— Доброй ночи, инспектор.

Сборщик положил руки на стол, поверх бланка, скрывающего артефакты, и сцепил дрожащие пальцы в замок.

Итикава чуть наклонился вперед, его взгляд скользнул по лицу Эмиля, будто сканируя микровыражения.

— Вы нарушаете протокол вентиляции, — мягко произнес он. — Частота вашего дыхания превышает установленную норму на семнадцать процентов. В условиях замкнутого контура это ведет к нецелевому перерасходу кислорода.

Эмиль сглотнул. Дыхание действительно сбилось после панического изучения старых записей.

— Я... немного замерз. Обогреватель сушит воздух, но не греет. Сквозняки.

— Температурный режим эстакады стабилен. Колебания происходят исключительно в вашем восприятии, — инспектор оперся рукоятью закрытого зонта о край подоконника, дерево было абсолютно сухим. — Вы компенсируете внутреннюю тревогу избыточной вентиляцией легких. Распространенная ошибка на ранних стадиях службы. Вам кажется: вдохнете больше — станете материальнее. Закрепитесь в пространстве.

— Разве я не материален? — слова сорвались с губ до того, как внутренний цензор успел их заблокировать.

Улыбка на фарфоровом лице стала на миллиметр шире.

— Ваша телесность — вопрос контракта. Пока вы исполняете обязанности, система поддерживает вашу форму. Но чрезмерное потребление кислорода создает избыточное давление изнутри. Вы ведь не хотите, чтобы внутренние противоречия разорвали эту хрупкую оболочку? Правила дыхания написаны не для ущемления ваших свобод, господин Вейн. Они созданы для сохранения вашей целостности.

Эмиль заставил себя сделать долгий выдох. Вдохнуть на три счета, выдохнуть на пять — как учили на инструктаже, которого он не мог вспомнить.

— Я учту это замечание. Спасибо.

— Это не забота. Это инвентаризация ресурсов, — поправил Итикава и перевел взгляд с лица сборщика на столешницу, точно на то место, где под листом бумаги прятались вещи, оставленные ночными гостями. — Скажите, вы не находите странным, что при нулевом трафике в последние два часа уровень вашего напряжения достиг пиковых значений?

— Дождь, — Эмиль кивнул на стекло. — Бьет не в такт. Раздражает нервную систему. Сложно сосредоточиться на формах.

— Оправдание через метеорологию. Поэтично. И бессмысленно, — чиновник поднял руку в серой перчатке, провел пальцем по краю стекла, собирая невидимый конденсат. — Вода не имеет ритма. Ритм создаете вы, пытаясь упорядочить хаос. Вы ищете закономерности там, где их быть не может. В каплях влаги. В проезжающих машинах. В датах на старых страницах.

Упоминание дат парализовало. Инспектор не мог видеть рассыпанные по полу фолианты из своего положения снаружи, но он знал. Они всегда всё знают.

— Я заполняю текущий журнал, — Эмиль свободной рукой подвинул к себе раскрытую тетрадь, стараясь прикрыть предплечьем слово «Бессонница», выведенное попе-

рек граф. — Фиксирую, что проезжает мимо.

— Проезжает? — Итикава склонил голову набок. — Транзитное перемещение подразумевает начало и конец пути. Вы полагаете, субъекты, пересекающие этот рубеж, движутся к какой-то цели?

— Я полагаю, что моя задача — взимать плату и поднимать преграду.

— Превосходный ответ. Формальный. Безопасный, — голос понизился, приобретая гипнотические нотки. — Однако ваша биология выдает обратное. Вы копаетесь в механизмах, не предназначенных для вашего понимания. Пытаетесь измерить глубину пропасти, бросая в неё камни и ожидая звука удара о дно. Но дна нет, господин Вейн. Звук никогда не вернется.

Инспектор чуть отстранился от окна. Потоки за его спиной вдруг изменили траекторию — капли падали почти горизонтально, огибая фигуру Итикавы, будто он был эпицентром гравитационной аномалии.

— Я пришел проверить целостность пломб на сейфе накопителя, — произнес он тоном, не терпящим возражений. — Протокол тридцать четыре. Вы должны покинуть кабину и позволить мне произвести осмотр внутреннего периметра. Выйти из будки. Покинуть замкнутый контур.

Эмиль крепче сцепил пальцы. Оказаться там, где не действуют правила сохранения личности, — этого он боялся сильнее, чем любого выговора.

— В инструкции сказано, что сборщик не имеет права покидать пост во время смены, — хрипло возразил он.

— Я — инспектор моста. Мои полномочия аннулируют базовые инструкции. Откройте дверь.

Стук капель по металлу превратился в непрерывный, давящий гул. Эмиль посмотрел на тяжелую задвижку. Если сдвинуть рычаг, Итикава войдет внутрь, увидит вскрытый архив, найдет тетрадь Оберже, поднимет чистый бланк со стола.

Но если он откажется подчиниться прямому приказу...

— Вы боитесь, — констатировал Итикава, наблюдая за колебаниями через окно. — Думаете, что внутри этой железной коробки вы в безопасности. Что металлические стены защищают ваш разум от распада. Наивное заблуждение. Вы уже начали распадаться в ту минуту, когда начали задавать себе вопросы.

Эмиль медленно встал, ноги казались ватными. Он шагнул к двери, чувствуя на себе немигающий взгляд темных глаз. Рука легла на холодный рычаг — механизм был смазан, поддался бы от малейшего усилия.

Снаружи, сквозь плотную горизонтальную пелену непогоды, пробился звук. Тонкий, жалобный, почти неразличимый — будто кто-то провел краем монеты по бетонному ограждению. Итикава не шелохнулся, всё его внимание было приковано к ладони Эмиля на замке.

Но сборщик замер. Звук повторился, ближе, теперь к

нему примешивалось тихое шарканье. Не машина — транспорт ревел, булькал, скрипел рессорами. Это было похоже на легкие шаги.

— Открывайте, господин Вейн, — ровно повторил чиновник, но в его дикции впервые проскользнула едва уловимая нота нетерпения.

Эмиль бросил взгляд на мониторы. На третьем экране, в слепой зоне у правого пилона, мелькнуло бледное пятно. Маленькое. Слишком крошечное для взрослого человека.

Пальцы, уже готовые сдвинуть затвор, разжались. Пятно на мониторе дрогнуло, размылось полосами помех и исчезло, слившись с серым фоном. Игра искаженного напряжения в кабелях, обрывок тумана, спрессованного до плотности материи, или чьё-то реальное присутствие у пилона? Разум Эмиля, отравленный паранойей и хроническим недосыпом, больше не мог доверять собственным рецепторам.

Он отдернул руку от двери, отступил на шаг.

Господин Итикава наблюдал за этим маневром сквозь стекло с невозмутимостью ученого, изучающего под микроскопом хаотичное движение инфузории. Его тонкие губы даже не шевельнулись, когда он заговорил — голос заполнил кабину, минуя внешние динамики.

— Ваша моторика непоследовательна, господин Вейн. Вы иницилируете действие, но прерываете его на фазе мускульного сокращения. Это свидетельствует о критическом сбое в системе приоритетов.

— Я не могу открыть шлюз, — Эмиль старался звучать твердо, хотя пересохшее горло выдавало предательский сип. — Протокол изоляции. Внешняя среда сейчас характеризуется нестабильным осадочным фоном. Любое нарушение герметичности приведет к несанкционированному газообмену.

Слова, вытащенные из глубин подсознания, из тех самых безликих инструкций, что он листал в первые дни, прозвучали удивительно уместно. Бюрократия оказалась лучшим щитом против бюрократа.

Инспектор склонил голову. В его абсолютно черных глазах мелькнуло нечто отдаленно похожее на снисходительное одобрение.

— Газообмен. Вы используете терминологию прошлого века, Эмиль. Смею напомнить: воздух здесь не тривиальная смесь кислорода и азота. Это строго регламентированный ресурс на балансе Управления транзита. И вы расходуете его крайне нерационально.

Итикава плавно коснулся кончиками пальцев стекла, точно напротив грудной клетки сборщика.

— Ваша норма — ровно пятнадцать вдохов в минуту. Базовый лимит, обеспечивающий работу когнитивных центров без ущерба для среды. Сейчас ваша частота достигла двадцати двух. Семь лишних циклов в минуту. Четыреста двадцать в час. Вы воруете атмосферу у эстакады.

— Ворую? — Эмиль нервно усмехнулся, чувствуя, как аб-

сурд обволакивает его плотным коконом. — Я дышу. Это рефлекс. Его нельзя подчинить квотам.

— Грубое биологическое заблуждение, — мягко парировал Итикава. Капли дождя по-прежнему огибали его фигуру, будто он был помещен в невидимую вакуумную колбу. — Физиология — набор привычек. Здесь, на нулевом километре, дыхание — административная привилегия. Когда вы делаете несанкционированно глубокий вдох, вы втягиваете в легкие молекулы чужого ожидания. Пропускаете через себя сомнения тех, кто проехал мимо, перерабатываете их и выдыхаете в виде чистого страха. А страх имеет массу. Он оседает на приборах, искажает показания датчиков, вызывает коррозию на пультах управления. Ваш страх портит казенное имущество.

Эмиль почувствовал, как грудная клетка сжалась. Попытался задержать дыхание, остановить этот процесс, но легкие немедленно ответили обжигающим спазмом.

— Вы задерживаете воздух, — констатировал чиновник, не меняя позы. — Это классифицируется как утаивание ресурса. Накопление избыточного давления внутри оболочки сотрудника строго запрещено параграфом о предотвращении внутреннего саботажа.

— Что вы от меня хотите? — выдохнул Эмиль, опираясь ладонями о стол. Синкопированный ритм дождя дробил мысли на короткие бессмысленные фрагменты.

— Я хочу, чтобы вы осознали свою функцию. Вы не че-

ловек в будке. Вы — клапан. Ваш рассудок должен работать так же бесперебойно и безэмоционально, как пневматика на шлагбауме. Любые эмоциональные всплески требуют документального оформления. Вздых сожаления облагается дополнительной квотой. Затяжной выдох отчаяния требует объяснительной записки в трех экземплярах. Ваш предшественник, Феликс...

При упоминании этого имени Итикава сделал театральную паузу.

— Феликс считал, что может обмануть систему. Пытался дышать реже, переносил панические атаки на бумагу. Полагал, что чернила не требуют кислорода. Какая непростительная ошибка.

Эмиль скосил глаза на ящик, где была спрятана тетрадь. Сердце колотилось так сильно, что казалось, будто инспектор слышит эти удары через бронированную преграду.

— Он исчез, потому что нарушил квоту? — тихо спросил сборщик.

— Он исчез, потому что исчерпал свою плотность, — Итикава убрал руку от окна. — Когда вы отдаете слишком много себя попыткам разгадать устройство механизма, от вас не остается ничего, кроме функции. Феликс стал прозрачным. Сначала для камер, потом для водителей, а затем и для самого себя. В конце концов он просто растворился в собственном выдохе.

Чиновник посмотрел на часы, скрытые под манжетой пи-

джака.

— Я принимаю ваш отказ открыть дверь на основании протокола изоляции. Формально вы правы. Однако ваше дело передано в отдел аудита. Мы будем тщательно следить за вашим потреблением. Постарайтесь не расплескать остатки своего разума до следующей проверки. И мой вам совет, господин Вейн — перестаньте искать лица в слепых зонах. Оптика часто выдает желаемое за действительное, когда нейронные связи начинают гнить от переизбытка влаги.

Инспектор плавно раскрыл зонт — одно слитное движение, лишенное усилия. Он не повернулся спиной, а просто начал отступать во мглу, будто невидимый режиссер включил обратную перемотку. Белая взвесь поглотила его костюм, затем фарфоровое лицо, и последним исчез матовый купол зонта.

Дождь мгновенно изменил траекторию, обрушившись на то место, где секунду назад стоял Итикава, смывая любые гипотетические следы его присутствия.

Эмиль медленно осел на стул, прикрученный к полу. Кабина казалась невероятно тесной, запах озона смешался с запахом собственного пота. Он потянулся к обогревателю и на секунду выключил его — только чтобы услышать, как в наступившей тишине меняется звук дождя без фонового гула нагревательного элемента, — и тут же включил снова, не выдержав холода. Сидел неподвижно, глядя на пустой лоток. Бланк, под которым были спрятаны монета и компас, чуть

приподнимался от потоков воздуха.

Сборщик положил ладони на грудь. Вдох. Выдох. Он прислушивался к работе своих легких, пытаясь понять, сколько страха только что выделил в замкнутую атмосферу мертвой зоны. Каждое расширение ребер казалось теперь преступлением, маленьким актом хищения.

Снаружи продолжалась водная симфония — рваная дробь по металлу, долгая пауза, резкий хлесткий удар. Ломаный ритм капель просачивался под кожу, синхронизируясь с нервной системой. Эмиль закрыл глаза, позволяя синкопе завладеть восприятием, и сидел так, слушая, как пульс медленно подстраивается под хаотичный танец дождя, пока оба звука не стали абсолютно, пугающе неразличимы.

Глава 5. Заметки на полях чужого безумия

Синкопированный ритм капель терял остроту, превращаясь в монотонный глухой гул. Осадки снаружи будто смирились со своей неспособностью пробить крышу. Эмиль сидел с закрытыми глазами, жестко контролируя каждый вдох.

Слова инспектора Итикавы проросли в мозгу ядовитой грибницей. Дыхание как хищение казенного ресурса. Кислород, измеряемый квотами. Каждый неглубокий вдох теперь сопровождался чувством вины и параноидальным ожиданием, что где-то на скрытой панели замигает индикатор перерасхода. Он открыл глаза. Кабина казалась до рези в глазах четкой, контрастной, лишенной полутонов. Ему требовался якорь — тяжелый, материальный объект, способный удерживать.

жать рассудок от растворения.

Он придвинулся к столу, ключ в замке нижнего ящика повернулся с сухим царапающим звуком. Дерматиновая обложка на этот раз показалась иной на ощупь — текстурной, будто загрубевшая кожа, покрытая микроскопическими трещинами. Эмиль выложил дневник поверх бланка, под которым скрывалась плата ночных визитеров. Дежурная лампа давала слишком рассеянный свет — он щелкнул тумблером настольного светильника и направил узкий желтоватый луч на центр обложки.

Открыл не с начала, а где-то с середины.

Первое, что бросилось в глаза — визуальный распад текста. На ранних страницах Феликс писал строго по линиям, соблюдая поля. Здесь геометрия мысли была разрушена: слова наползали друг на друга, пересекались под неестественными углами, закручивались в спирали вокруг клякс. Чернила меняли оттенок от глубокого синего до выцветшего фиолетового — автор явно менял стержни, выжимая остатки пасты.

Эмиль склонился над бумагой, чувствуя, как зрачки сужаются, приспособляясь к мелкому дерганому почерку. Расшифровка требовала не просто внимания, а сонастройки с чужим психозом.

«Они изымают не только массу», — гласила обведенная двойным контуром строчка в верхнем углу, втиснутая между наброском часового механизма и пятном от пролитой жид-

кости. «С каждой машиной, проходящей этот рубеж, я отдаю часть своего контекста. Пошлина — двусторонний процесс. Водитель оставляет утяжелитель, а взамен забирает лоскут твоей личности, чтобы иметь возможность двигаться дальше. Мы — доноры. Этот мост питается нашей субъективной реальностью».

Сборщик провел пальцем по вдавленным буквам — нажим был так силен, что бумага едва не прорвалась.

«Вчера я пытался восстановить в памяти цвет обоев в моей старой спальне. Той, что была до контракта. Помню сам узор — тонкие вертикальные полосы, но цвет выцвел, его больше нет в моей картотеке. Зато я кристально ясно помню запах подгоревшего хлеба на плите. И смех. Женский смех, от которого внезапно перехватывает дыхание».

Воздух в легких мгновенно кристаллизовался, рука на столешнице мелко задрожала.

Запах подгоревшего хлеба. Смех, от которого перехватывает дыхание. Пульсирующая боль за глазами.

Симптомы. Обрывки. Его собственные воспоминания — те самые фрагменты, всплывавшие в первые часы смены, когда он тщетно пытался нащупать границу между собой и окружающим абсурдом. То небольшое, что он считал своим интимным, неотъемлемым ядром.

Он отшатнулся от стола, едва не опрокинув стул. Шарниры скрипнули, звук ударил по нервам, как разряд тока. Совпадение? Набор универсальных триггеров, срабатывающих

в условиях жесткой сенсорной депривации?

Судорожно сглотнув вкус желчи, он снова вцепился в края тетради, подтянул её к глазам.

«Это не мои мысли, — продолжал дневник ниже, буквы стали крупнее, угловатее. — Они подсаживают нам стандартный пакет образов. Базовый набор для поддержания иллюзии человечности. Чтобы оператор не отключился в первую же неделю от экзистенциального шока. Запрограммированная ностальгия. У меня болит за глазами каждый раз, когда пытаюсь копнуть глубже. Это срабатывает встроенный предохранитель».

Предохранитель.

Кто такой Эмиль Вейн? Существовал ли он до того момента, как открыл глаза на этом прикрученном к полу стуле? Или его собрали из отбракованных деталей предыдущих зрителей, залатав дыры в психике дешевым кодом из чужих сновидений?

Он лихорадочно перевернул страницу. Ему нужны были доказательства — если предшественник докопался до истины, он обязан был оставить ключ.

На новом развороте текста почти не было — весь лист занимал сложный многоуровневый чертеж, оси координат, векторы, пересекающие пустоту. На полях мелким бисером шли комментарии.

«Номера на их машинах. Это не регистрация транспорта. Это координаты изъятия. Сетка, наложенная на твое подсо-

знание. Обрати внимание на цифры, Вейн».

Взгляд споткнулся о собственную фамилию. Эмиль перестал дышать. Оберже обращался к нему — к человеку, которого ещё не существовало в этой будке, когда писались строки. Или уже существовал?

Хронология, раздробленная во время визита Каспара Рута, окончательно превратилась в месиво. Он вперился в чернила, ожидая, что буквы расплывутся, окажутся игрой воспаленного воображения. Но имя оставалось на месте, написанное твердой рукой, подчеркнутое жирной линией.

«Ты думаешь, что читаешь мое прошлое, Эмиль. Но ты читаешь свое неизбежное будущее. Мы находимся за этим столом одновременно. Я вывожу эти слова, а ты прямо сейчас пытаешься их стереть из головы. Посмотри, как я пишу букву "В". Посмотри на наклон вертикальной оси. Ничего не замечаешь?»

Эмиль медленно, будто двигаясь в густом сиропе, потянулся к рабочему журналу — тому самому, где час назад вывел слово «Бессонница». Положил официальную книгу вплотную к дневнику. Желтый круг от лампы охватил оба документа, превратив их в единое полотно для сравнения.

Он всмотрелся в петли, в углы наклона, в то, как ручка продавливала бумагу на поворотах линий. Буква «В» в его фамилии, написанная рукой Феликса, была идентична заглавной «Б» в слове, которое оставил он сам. Тот же острый верхний крючок. Та же неровная нижняя дуга.

Дрожащими пальцами он достал из стаканчика запасную ручку, придвинул чистый край декларации и быстро написал несколько слов из дневника — «Координаты. Изъятие. Иллюзия».

Сравнение не оставляло шансов для рационального объяснения. Почерк был один. Давление на пишущий узел совпадало. Расстояние между интервалами было идентичным.

Он не просто читал мысли сумасшедшего предшественника. Он читал собственные записи, сделанные в состоянии, которого не мог вспомнить. Либо система отформатировала его тело и моторику так, чтобы он стал идеальной копией Оберже, либо Феликса никогда не существовало, а Эмиль просто нашел собственный дневник из предыдущего, стертого Управлением цикла.

«Если ты дошел до этой страницы, значит, инспектор уже приходил, — текст на полях становился все мельче, заставляя почти касаться носом бумаги. — Итикава любит говорить о газообмене. О том, что мы ворует пространство. Не верь ему. Он сам — пустота. Его зонтик никогда не бывает мокрым, потому что реальность отказывается с ним взаимодействовать. Чтобы сломать их игру, нужно перестать принимать плату. Перестать быть фильтром. Когда появится ребенок, не открывай ей...»

Слово обрывалось на полуслове. Чернила размазались, будто кто-то грубо дернул руку писавшего. В самом низу листа, в углу, едва различимым шепотом графита было добав-

лено:

«Слепые зоны на мониторах созданы не камерами. Это места, где мы начинаем видеть истинную конструкцию моста».

Эмиль резко вскинул голову, посмотрел на экран, транслирующий картинку от правого пилона. Серая статика пульсировала, складываясь в причудливые фракталы — то самое место, где недавно мелькнуло крошечное бледное пятно. Он впился взглядом в монитор, пытаясь рассмотреть сквозь шум детали бетонного основания.

В динамике переговорного устройства раздался щелчок. Не треск помех от Сильвии, не шум ветра — тихий металлический скрежет. Кто-то стоял снаружи, вплотную к будке, и ногтем скреб по решетке внешнего микрофона.

Звук был настолько близким и интимным, что Эмиль рефлекторно вжался в спинку стула.

Скрежет прекратился, за ним последовал неровный влажный выдох, переданный мембраной прямо в замкнутое пространство.

Он медленно повернул голову к окну. Там, в нижней части стекла, у самого подоконника, куда не доставал свет лампы, начали проступать очертания. Эмиль затаил дыхание, боясь спугнуть видение, подался вперед. Крошечная ладонь. Детская кисть с растопыренными пальчиками, прижатая к прозрачной преграде снаружи.

От неё не исходило тепла, способного растопить конден-

сат, но вода вокруг отпечатка отступала, оставляя сухой четкий контур. Сами пальцы казались полупрозрачными, лишенными привычного телесного объема.

«Когда появится ребенок, не открывай ей...» — предостережение из дневника вспыхнуло в сознании.

Сборщик попятился, споткнулся о ножку стула. Удар поясницей о край стола отозвался резкой болью, но она показалась отдаленной, будто принадлежала чужому телу. Настоящий ужас парализовал не мышцы, а саму способность мыслить линейно.

Он закрыл лицо руками, надавил на глазные яблоки, пока под веками не поплыли цветные пятна. Что он помнит о себе? По-настоящему, без подсказок из инструкции?

Эмиль попытался выстроить хронологию собственного бытия, двигаясь против течения времени. Вот вчерашняя смена, привычный гул эстакады. Вот прошлая неделя, пересчет пустых бланков. Вот подписание контракта в тесном помещении без окон — сухой шелест бумаги, человек с неестественно ровными зубами.

А что дальше?

Дальше высилась глухая стена. Абсолютный вакуум. Запах подгоревшего хлеба.

Он отчаянно уцепился за этот фрагмент, как утопающий за обломок доски. Хлеб. Завтрак. Какого цвета была кухня, где он его жарил? Из небытия вынырнул кусок стены в мелкую полоску, край газовой плиты — но картинка оставалась

плоской, двухмерной, без перспективы. Он не мог вспомнить фактуру столешницы, расположение окна, температуру воздуха. Воспоминание напоминало театральную декорацию, сколоченную для одной короткой сцены.

Женский смех. Звонкий, искренний, от которого спирает дыхание.

Кому он принадлежал? Лицо растворялось, не успев сформироваться. Мать? Сестра? Жена? Случайная попутчица на перроне? Лица не существовало — только идеальный звуковой файл, зацикленный фрагмент, без контекста предшествующей шутки, без последующей паузы. Голый звук, подвешенный в пустоте.

«Базовый набор для поддержания иллюзии человечности».

Строки предшественника хлестнули по оголенным нервам. Если его память — сфабрикованный пакет образов, внедренный при инсталляции сознания в эту оболочку, то кем он является на самом деле? Имя «Эмиль Вейн» на глазах превращалось в бессмысленный набор звуков, инвентарный номер, позывной для придатка к зеленой кнопке шлагбаума.

Он оторвал ладони от лица, уставился на свои руки. Сложная топография линий на подушечках, переплетение вен под тонкой кожей, загрубевшая мозоль на среднем пальце от постоянного сжимания ручки. Чья это плоть? Возможно, невидимое Управление просто форматирует личность, стирает жесткий диск, заливает новую операционную систему, но

бережно сохраняет старые мышечные рефлексy. Оболочка остается на месте, меняется лишь программный код.

Он развернулся к столешнице, придвинул чистую сторону декларации. Требовался немедленный эксперимент. Крепко зажмурился, намеренно отключая визуальный контроль, переложил ручку в левую руку — он всю сознательную жизнь считал себя правой — и позволил кисти двигаться автономно, без участия направляющей воли.

Только чистая моторика. Физическая память, спрятанная в сухожилиях.

Перо закрипело по бумаге. Движения оказались пугающе быстрыми, выверенными, даже агрессивными — конечность совершала короткие рывки, меняла наклон, вычерчивала кривые с математической точностью, будто исполняя давно заученный танец.

Когда он открыл глаза, дыхание замерло в пересохшем горле. На белом картоне красовалась сложная пространственная фигура. Пересекающиеся оси, векторы, уходящие за пределы листа — почти точная копия чертежа со сто пятинадцатой страницы дневника Оберже.

Левая рука досконально знала эту геометрию. Нервная система хранила информацию о каждом штрихе, о силе нажима, о градусе отклонения каждой линии.

Сомнение кристаллизовалось в раздавливающую уверенность. Разделительная полоса между ним и исчезнувшим предшественником стерлась в порошок. Он был Феликсом.

Он был Эмилем. Сменной деталью циклопического сооружения, затерянного в бесконечной мгле. Безымянным куском плоти, который мост переваривал медленно, методично, цикл за циклом.

Где-то снаружи, у основания опорного пилона, снова раздался тихий скрежет, почти извиняющийся. Отпечаток детской ладони на стекле начал таять — контуры смазались, пальцы потеряли резкость, слились с потоком конденсата, бегущим по стеклу вниз.

Смотритель медленно опустился на сиденье. Пространство кабины уплотнилось, стало почти вязким. Желтое пятно от лампы выхватывало разбросанные записи — неоспоримое свидетельство внутреннего распада. Он провел тыльной стороной ладони по лбу, стирая испарину, и поднял взгляд на темное окно.

Оттуда, сквозь искаженное кривизной стекла отражение, на него в упор смотрели чужие глаза. Глаза человека, только что потерявшего последнюю опору, — осознавшего, что его прошлого никогда не существовало в природе, а настоящее безжалостно диктуется чужим, давно мертвым голосом.

Глава 6. Геометрия слепых зон

Камеры наблюдения не могли охватить эстакаду целиком. Объективы фиксировали заданные сектора, оставляя между ними слепые пятна — клиновидные провалы, куда не проникал электронный взгляд. Геометрия этих зон была жесткой и неизменной: пилоны, несущие тросы, край парапета

отбрасывали оптические тени, формируя участки абсолютной непроницаемости. Углы, в которых могло прятаться что угодно.

Эмиль смотрел на подрагивающую статику мониторов, понимая, что структура его собственного сознания в точности повторяет эту схему. Освещенные фрагменты заученных инструкций чередовались с глухой пустотой, где таилось то, чего он не должен был помнить. Он поднялся, прошелся до двери и обратно — два шага туда, два обратно, — просто чтобы размять затекшие ноги и вырваться из петли этой мысли хоть на секунду.

Гудение тяжелого мотора вторглось в акустический фон будки, ломая монотонный шум влаги. Не надрывный кашель старого пикапа, не свист изношенных ремней — звук накачивал плотной низкой волной, от которой стекла в рамках начали мелко вибрировать.

Сборщик отвел взгляд от пустых глазниц экранов.

Из белесой пелены медленно выплыл громоздкий приземистый силуэт. Широкая решетка радиатора, потускневший хром, массивные крылья. Тяжелый «Бьюик» неопределенного года выпуска остановился у стоп-линии с обреченной грацией океанского судна, бросающего якорь. Лобовое стекло покрывала плотная пленка конденсата, скрывающая внутренности салона.

Вместо водительской двери с легким щелчком разблокировался механизм с противоположной стороны. Пассажир-

ское окно плавно поползло вниз.

Эмиль шагнул к проему. Холодный воздух пах сырым сукном и старым табаком. В тусклом свете дежурной лампы, падающем под косым углом, он впервые увидел её по-настоящему — не как очередную транзитную единицу, не как размытое пятно, а как живой объект, застрявший в этом бесконечном цикле.

Свет ложился на её лицо, выявляя каждую деталь с почти неприятной резкостью — поры на бледной коже, легкую припухлость нижних век, крошечную родинку у основания шеи. Никакой театральности, никакой искусственной плавности движений. Женщина выглядела бесконечно уставшей, будто её выхватили объективом в момент крайнего истощения, лишив возможности надеть защитную маску. Черные волосы, слегка влажные на концах, касались воротника темного пальто.

Водитель на соседнем кресле оставался просто смазанной тенью. Руки на руле, спина неестественно прямая. Он не повернул головы, не издал ни звука. Вся жизненная энергия внутри машины концентрировалась исключительно на пассажирском сиденье.

— Вы сегодня дышите иначе, — произнесла она. Голос был низким, с легкой хрипотцой, будто она долго молчала до этого момента.

Эмиль замер. Её слова мгновенно разрушили хрупкий барьер профессиональной отстраненности.

— Бюрократы считают, что я превышаю квоту, — ответил он, с трудом узнавая собственный сухой тон.

Женщина чуть наклонилась вперед, тень от рамки окна легла на её подбородок, выделив линию губ.

— Их заботит только давление в системе. Им нет дела до того, чем именно вы заполняете легкие. Главное — чтобы объем соответствовал таблицам.

Она не потянулась через пустующее пространство между креслами к кассовому лотку. Вместо этого медленно подняла левую руку и положила её на узкий металлический подоконник с внешней стороны будки. Тонкие пальцы, коротко стриженные ногти, блеклая синева вен под тонкой кожей. В центре раскрытой ладони лежал тусклый кусочек металла.

Эмилю нужно было просто взять плату. Обычное движение, отработанное тысячекратным повторением. Но собственная кисть, та самая, что недавно без его ведома вычерчивала изометрические проекции Оберже, налилась тяжестью. Он осторожно опустил пальцы, стараясь не коснуться кожи, но дистанцию рассчитать не удалось.

Подушечка указательного пальца скользнула по её линии жизни.

Никакого разряда статики. Только внезапный, обжигающий импульс чужого тепла — настолько реальный, настолько плотный, что Эмиль едва не отдернул руку. В этом мертвом мире живое человеческое тепло воспринималось как аномалия, критический сбой в коде эстакады.

Их взгляды встретились. Глаза Селесты были темными, пронзительными, полностью лишенными той стеклянной пустоты, что отличала остальных путешественников. В них плескалась острая горечь, смешанная с болезненным пониманием ситуации.

— Вы меняете почерк в журнале, — тихо сказала она, не убирая ладони, позволяя ему забрать монету. — Раньше ваши буквы были более округлыми, полными сомнений. Теперь в них появились жесткие углы.

— Раньше меня здесь не было. Я заступил недавно.

Селеста чуть прищурилась, изучая его лицо с тем же беспощадным вниманием, с каким он секунду назад рассматривал её уязвимость.

— Вы всегда здесь были. Просто иногда вы забываете, как вас зовут, и начинаете писать чужой рукой.

Она плавно убрала кисть с подоконника, тяжелое сукно пальто скользнуло по обивке сиденья. В салоне щелкнул тумблер, механизм стеклоподъемника с натужным гудением погнал раму вверх, отсекая её лицо от света будки. Но зазор не успел исчезнуть полностью — механизм хрустнул, будто наткнувшись на невидимое препятствие, и замер, оставив щель толщиной в два пальца.

В эту узкую полосу устремился взгляд Селесты. Без мольбы, без страха — концентрированный заряд горького узнавания, то самое статическое напряжение, что скапливается в воздухе, когда давление достигает критической точки.

Эмиль застыл, не в силах разорвать зрительный контакт.

— Вы пытаетесь собрать разбитое зеркало, не порезав руки, — её голос, лишенный искусственной чистоты радио-эфира, прозвучал глухо, но отчетливо. Губы находились так близко к краю стекла, что на холодном барьере расплылось маленькое мутное пятно от дыхания. — Это ошибка всех новеньких.

— Если я перестану собирать осколки, — Эмиль наклонился к самой раме, инстинктивно понизив тон, пряча слова от невидимых микрофонов Итикавы, — чем я буду отличаться от того, кто сидит слева от вас?

Селеста даже не скосила глаза на своего безмолвного водителя. Тень за рулем оставалась абсолютно неподвижной, сливаясь с темной обивкой салона.

— У него нет фантомных болей, — ответила она с пугающей прямоотой. — Ему нечего ампутировать. А вы прямо сейчас истекаете паникой на пульт управления. Вы ищите в старых бумагах свою историю, но забываете, что бумага здесь принадлежит им.

Слова ударили наотмашь. Без жалости, только сухая анатомия их общего положения. Она знала про архивы. Знала про бесконечные попытки зрителей найти логику в хаосе.

— Кто мы такие для этого места? — выдохнул он вопрос, жегший гортань.

— Вы — фильтр. А мы — то, что нужно отфильтровать. И

пока вы справляетесь, система будет позволять вам дышать.

Щелчок реле разрушил сцепку их взглядов. Моторчик внутри двери надсадно взвыл, проглатывая последние сантиметры пустоты. Стекло с глухим стуком вошло в верхний паз, превратив салон в герметичную капсулу. Седан дернулся, тяжело переваливаясь на просевших рессорах, начал погружаться в серую взвесь. Красные огни габаритов вспыхнули на секунду и растворились, не оставив следа на сетчатке.

Сборщик остался один на один с гудящей эстакадой.

Он разжал пальцы. На ладони, в центре пересечения линий жизни и ума, лежал кусок металла — обычная транзитная плата, ничем не отличающаяся от десятков других в лотке. Но этот кусок обжигал. Хранил тепло живого человеческого тела. Крошечное пульсирующее пятно температуры казалось вопиющей аномалией, критической ошибкой в коде замерзшего мира.

Физика КПП не допускала сохранения энергии. Тепло должно было рассеяться в ту секунду, когда монета покинула руку женщины и встретилась со сквозняком. Но оно упрямо держалось, проникая сквозь кожу, согревая кровь в венах.

Он вернулся к столу, двигаясь механически. Взгляд снова упал на мониторы. Слепые зоны. Клиновидные провалы тьмы за несущими конструкциями.

Именно там, в этих оптических ямах, происходило настоящее движение. То, что фиксировали объективы, — лишь спектакль для тех, кто заперт в таких будках. Иллюзия кон-

троля. Селеста сидела в одной из таких слепых зон его собственной памяти. Она помнила тех, кто был до него. Видела, как меняются почерки в толстых журналах. Для неё он был лишь очередной итерацией одной и той же функции.

Эмиль отодвинул лоток, положил теплую монету прямо на изометрический чертеж Оберже, выведенный его собственной левой рукой несколько минут назад. Металл лег точно в центр пространственных координат.

Поток сознания начал набирать скорость, вырываясь из-под искусственного торможения. Обрывки фраз Сильвии о природе бессонницы, идеальная улыбка Итикавы, сломанный компас старика Рута — всё закружилось в тугую воронку. Если пассажирка из вечности пересекает этот рубеж годами, сохраняя ясность ума и способность к жестокой эмпатии, значит, у неё есть якорь. Что-то, что не дает ей истончиться и превратиться в бесплотную тень.

Она ищет конец дороги. А он охраняет её середину.

Боль за глазами, предупреждавшая о срабатывании встроенных предохранителей, накатила с новой силой. Острая, пульсирующая. Требовала прекратить анализ. Вернуться к заполнению пустых граф. Просто нажимать зеленую кнопку и не смотреть наружу.

Но призрачное тепло от металла на столе транслировалось прямо в подкорку, разрушая холод, которым Управление заморозило его способность сомневаться. Эмиль поднял глаза на черную коробку рации. Диспетчерская молчала. Эфир

был мертв. Впервые за долгое время он осознал: тишина на частоте — не отсутствие сигнала, а выжидание. Наблюдение за тем, сломается ли он сейчас, растворившись в панике, или продолжит собирать свое отражение, не обращая внимания на глубокие порезы.

Часть II. Статическое эхо

Глава 7. Лицо, застывшее в янтаре

Тепло покинуло кусок металла слишком быстро. Законы термодинамики на КПП работали с безжалостной эффективностью, вытягивая любую стороннюю энергию и растворяя её в общем сером фоне. Эмиль продолжал сжимать монету в кулаке, хотя она уже стала такой же мертвой и ледяной, как станина кассового аппарата. Физическое подтверждение чужого присутствия исчезло, но взамен включился другой, более разрушительный механизм.

Память.

Раньше она выдавала лишь плоские, фрагментарные картинки. Теперь воспоминание формировалось с пугающей точностью. В зоне абсолютного фокуса осталось только лицо Селесты Моро — поры на скулах, неровная текстура бледной кожи, тонкая сеть капилляров у крыльев носа. Лицо женщины не пыталось казаться правильным или красивым в классическом понимании — оно было ошеломляюще живым в своей уязвимой, детальной реальности.

Каждый раз, когда зритель закрывал глаза, этот портрет вспыхивал на внутренней стороне век.

Он разжал пальцы и бросил остывший слиток в лоток. Звяканье потонуло в гуле бетонных опор.

Нужно было занять руки. Эмиль выдвинул ящик, достал пачку чистых бланков и перевернул их чистой стороной вверх. Взяв запасной стержень, начал чертить линии — сначала хаотичные штрихи, попытка снять мышечное напряжение, но постепенно графит стал складываться в осознанную структуру. Он рисовал карту.

В должностных инструкциях география отсутствовала как понятие. Существовали только два вектора: Северный режим и Южный. До сегодняшней ночи Эмиль воспринимал эти термины как данность — две противоборствующие политические системы, разделенные нейтральной полосой моста, государства, требующие фильтрации своих граждан.

Но теперь кончик карандаша замер над белым прямоугольником.

Что такое государство в контексте этого тумана? Он попытался представить Север — правительственные здания, площади, административный аппарат, выпускающий таких людей, как Кромвель или Итикава. Воображение наткнулось на концептуальную пустоту.

Карандаш с нажимом провел толстую вертикальную черту, обозначая несущий пилон. От него вправо и влево потянулись нити тросов.

Ничего этого не существовало. Понятие «режим» рассыпалось прямо на кончике грифеля. Вся эта геополитика была

декорацией, придуманной, чтобы оправдать существование самого пропускного пункта.

Север и Юг — не территории. Просто направления движения в бесконечной пустоте. Векторы без конечной точки.

Если верить Каспару Руту, машины едут десятилетиями, не достигая никакого финиша. Совершают круги. Замкнутые транзитные петли, где шлагбаум Эмиля служит единственным маркером того, что движение вообще происходит.

Он нарисовал прямоугольник будки в центре листа, отвел от него концентрические круги. Маршруты. Траекторию тяжелого «Бьюика».

Где сейчас Селеста? В салоне темно, водитель смотрит прямо перед собой. Она сидит на пассажирском сиденье, окруженная скрипом рессор и запахом сырого сукна. Ей холодно.

Эмиль обхватил голову руками, упираясь локтями в разрисованный картон. Он хотел знать, о чем она думала в тот момент, когда их глаза встретились. Заметила ли она его панику?

Её фраза о разбитом зеркале эхом отдавалась в барабанных перепонках. «Вы пытаетесь собрать разбитое зеркало, не порезав руки». Она видела его насквозь. Видела жалкие попытки уцепиться за остатки рациональности, за таблицы и графики, за ровные строчки в казенных книгах.

Он резко выпрямился, смяв испорченный бланк. Картон захрустел под пальцами.

Свет дежурной лампы мигнул, издав короткий электрический треск. На секунду помещение погрузилось в темноту. В этой паузе обострился слух — металлические тросы снаружи издавали звук, похожий на сухое, натужное дыхание существа, чьи легкие поражены болезнью.

Свет вернулся, желтоватый, больной. Эмиль подошел к окну, где конденсат снова затянул стекло плотной пленкой. Он не стал стирать его — прижался лбом к холодной поверхности, чувствуя, как влага впитывается в кожу.

Отчуждение, которое он испытывал раньше, было пассивным — тупой, ноющий дискомфорт человека, потерявшего ориентир. Теперь оно приобрело агрессивную, направленную форму. Единственным подлинным объектом во всей вселенной оставался тот короткий зрительный контакт.

Он бросился на колени, вытаскивая из-под стеллажа связку архивных книг, которые спрятал во время визита Итикавы. Пальцы лихорадочно листали хрупкие страницы. Искать имя было бессмысленно — Селеста не называла себя, а водитель всегда молчал. Искать нужно было по приметам автомобиля и характеру оплаты.

Том четвертый, страница девяносто. «Тяжелый седан. Темного цвета. Марка не поддается идентификации из-за коррозии кузова. Пассажир — женщина. Оплата произведена нестандартным слитком с высоким тепловым коэффициентом». Запись сделана аккуратным почерком с сильным наклоном влево. Чужим почерком.

Том седьмой, страница триста двенадцать. «Автомобиль премиум-класса, устаревшая модель. Женщина на переднем сиденье. Смотрит так, словно знает о нас больше, чем мы сами. Металл, оставленный ею, обжег мне пальцы». Это писал Феликс. Эмиль узнал характерный острый угол заглавных букв.

Он осел на пол, прижимая раскрытый журнал к груди. Она действительно была константой. Якорем, который прошивал слои времени и циклы дежурств, связывая разных операторов одной и той же болезненной одержимостью. Каждый, кто сидел в этой коробке до него, в итоге начинал ждать только этот конкретный автомобиль.

Понятие долга, вбитое в голову невидимыми работодателями, стремительно теряло контуры. Зачем фильтровать бесконечный поток пустых оболочек, если единственная ценность процесса заключается в тех нескольких секундах, пока опущено стекло тяжелого «Бьюика»?

Он посмотрел на свои ладони, перепачканные бумажной трухой и старой типографской краской. Система требовала полной стерильности, отсутствия личных привязанностей. Но внедряя в его сознание базовый пакет воспоминаний, они допустили критическую ошибку. Оставили способность чувствовать пустоту. А пустота неизбежно стремится заполниться.

Тихий щелчок рации заставил его вздрогнуть. Эфир заполнился мягким шуршащим статическим электричеством.

Он не спешил подниматься. Сидел на полу, окруженный мертвой документацией, и смотрел на черный пластиковый корпус динамика.

— Третий, — голос Сильвии прозвучал необычно чисто, помехи почти не искажали тембр. В её интонации сквозило странное, напряженное ожидание. — Ты фиксируешь аномалии в зоне ответственности?

Он медленно поднялся, отряхнул колени форменных брюк, нажал на тангенту.

— Трафик нулевой. Внешняя среда стабильна.

— Я не спрашиваю про погоду, Эмиль, — диспетчер сделала паузу, во время которой был слышен только глухой стук какого-то маятника на её стороне. — Индикаторы на центральном пульте показывают резкое изменение плотности в твоём секторе. Ты что-то удерживаешь. Что-то, что не принадлежит контрольному пункту.

Взгляд сборщика метнулся к столу, где лежал испорченный картон с набросками маршрутов.

— Здесь только я, Сильвия. И бланки.

— Система фиксирует гравитационное возмущение. Прямо внутри кабины. Ты привязался к объекту транзита, не так ли? — голос стал тише, почти шепотом. — Это случается. Когда долго смотришь в пустоту, начинаешь цепляться за первую попавшуюся форму. Кто это?

— Никто.

— Не лги мне. Я вижу колебания оси. Ты начал выпадать

из ритма эстакады. Это опасно, Третий. Итикава уже подал рапорт о несанкционированном перерасходе воздуха. Если аудит обнаружит еще и эмоциональную фиксацию на субъекте...

— Что тогда? — резко перебил Эмиль. Пружина внутри него, сжимавшаяся все последние часы, наконец лопнула. — Они уволят меня? Лишат премии? Выселят из этой камеры? Что еще они могут забрать у того, чья личность — это просто набор дешевых файлов, загруженных в пустую оболочку?

На частоте повисла тяжелая тишина. Маятник на фоне перестал стучать.

— Они могут забрать твою способность забывать, — наконец произнесла Сильвия с такой ледяной обреченностью, что мороз продрал по коже. — Представь себе вечность, в которой ты помнишь каждую секунду своего пребывания здесь. Каждую трещину на потолке. Каждое лицо, проехавшее мимо. Без возможности обнуления. Абсолютная, непрерывная память в условиях тотальной изоляции. Это и есть их высшая мера.

Смотритель отступил от пульта управления. Слова диспетчера повисли в спертом воздухе кабины.

Значит, процесс обнуления всё-таки существует. Его подозрения подтвердились. Цикличность его собственного присутствия на этом посту была не паранойей, а техническим регламентом. Когда смотритель ломается, его формируют и сажают обратно.

Но если его отформатируют снова... он забудет лицо Селесты.

Эта мысль ударила с неожиданной силой. Он забудет непостановочную текстуру её кожи, горечь в тёмных глазах, обжигающее тепло короткого прикосновения. Она снова станет для него просто транзитной единицей из четвертой графы журнала.

Эмиль обернулся к окну. Туман больше не лежал ровным слоем — закручивался в плотные, агрессивные спирали, будто реагируя на внутреннее состояние оператора.

Он потянулся к металлической ручке задвижки на двери. Инструкции запрещали покидать пост. Итикава предупреждал о нарушении герметичности. Сильвия пугала абсолютной памятью. Но внутри этого куба оставалась только медленная, просчитанная деградация. Если Селеста продолжает свое движение где-то на невидимых маршрутах этого несуществующего государства, то сидеть и ждать её очередного появления означало согласиться с правилами игры.

Замок глухо щелкнул, освобождая скобу.

Снаружи раздался вой ветра, мгновенно ворвавшегося в щель. Воздух был плотным, влажным, тяжелым, будто бетонная пыль, растворенная в воде. Эмиль навалился плечом на створку, преодолевая сопротивление. Дверь поддалась со стоном. Воздух ударил в грудь, выбивая из легких остатки тепла. Он замер на пороге, вцепившись побелевшими пальцами в край створки. За пределами узкой полоски света не

было ничего, кроме клубящейся слепоты. Шагнуть туда сейчас означало добровольно стереть себя, превратиться в переменную без массы и направления.

Чтобы найти объект в пустоте, нужны координаты. Искать Селесту вслепую — верный способ навсегда потерять даже то хрупкое осознание себя, которое он только что обрел.

Он стиснул зубы и, навалившись всем весом, потянул створку на себя. Дверь поддалась с протяжным стоном петель, замок сухо клацнул. Эмиль прислонился спиной к холодному металлу, тяжело дыша, игнорируя угрозы аудита и выдуманные квоты инспектора.

Ему нужна была карта.

Он оттолкнулся от двери, оказался у стола. Смахнул на пол стопку пустых бланков, оставил перед собой широкие листы плотного картона для квартальных отчетов. Взял карандаш, придавил грифель к центру листа. Точка отсчета. Нулевой километр. Его собственная кабина.

Как начертить географию места, лишённого физического ландшафта? Стандартные методы здесь были бессильны. Поэтому он решил картографировать не пространство, а время.

Левая рука потянулась к архивам. Том четвертый, страница девяносто. Том седьмой. Он выписывал даты появлений Селесты, интервалы между визитами тяжелого седана, переводя временные отрезки в миллиметры на бумаге.

Первый визит — короткий отрезок от центральной точки. Прошло три месяца, прежде чем она появилась снова. Ка-

рандаш прочертил дугу в левый верхний угол. Потом пауза длиною в два года — по записям Феликса. Дуга превратилась в широкую параболу, вышедшую за пределы листа. Эмиль пододвинул второй кусок картона, соединил края, продолжил линию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.